

Т. В. Пашкова

Роль птиц в предсказании и распространении болезней в представлениях карел*

Аннотация. Птицы выступают как неперенный элемент религиозно-мифологической системы и ритуалов, обладающих разнообразными функциями. В быту, ритуалах, верованиях, а также лечебной практике карел птицы занимали особое и очень значимое место. Цель научной статьи: выявление мифологических представлений о птицах как предсказателях и носителях в карельской народной медицине. Задачами данного исследования являются, во-первых, выявление и сравнение верований и ритуалов, связанных с данной функцией птиц, в свете общекарельской и локальных традиций. Во-вторых, идентификация народных названий болезней, номинация которых связана с птицами, сравнение собранных лексем в наречиях карельского языка (собственно-карельское, ливвиковское и людиковское) и с близкородственными языками, а также определение происхождения собранных лексем. Предметом исследования являются наименования болезней в карельском языке, номинация которых связана с внешними особенностями птиц и некоторыми верованиями относительно этих представителей фауны. Кроме того, в качестве предмета исследования выступают приметы, которые имеют прямую связь с птицами, предвещающими, по мнению карел, болезни или смерть. Представленный в статье материал является актуальным, так как впервые рассматриваются образы птиц в мифологических представлениях карел, связанных с карельской народной медициной. Ранее подобных исследований на карельском материале не проводилось, что указывает на его новизну. В результате проведенного исследования можно абсолютно четко отследить, что в орнитофауне карел выделяется «отрицательная» группа птиц, которая своими криками, испражнениями и особенностями поведения способна «накликать» или «наслать» на человека болезнь. В номинации важным является и сходство симптомов заболеваний с внешним видом птиц, что говорит о постоянном близком контакте человека с миром фауны.

Обнаруживаются как сходства, так и различия в видовом составе птиц-носителей болезней между двумя большими группами карел, проживающими в Карелии и за ее пределами.

Ключевые слова: народная медицина, традиции карел, наименования болезней, лечебная магия, верования карел, фауна, заговоры, прибалтийско-финские языки.

T. V. Pashkova

Role of birds in a prediction and spread of diseases in representations of the Karelians

Abstract. Birds are an indispensable element of religious and mythological system and rituals, having various functions. In everyday life, rituals, beliefs, and clinical practice of the Karelians birds have been taken a special and very important place. The purpose of a scientific article: identification of mythological ideas about birds as the predictors and carriers in Karelian folk medicine. The objectives of this study are, first, identification and comparison of beliefs and rituals associated with the function of birds in the light of all Karelian and local traditions. Secondly, the objective of the article is identification of folk names of diseases, associated with birds, comparison of collected lexemes in the dialects of Karelian language (Karelian, Livvi-Karelian, Ludic Karelian) and with closely related languages, as well as the determination of the origin of the collected lexemes. The material presented in the article is relevant, because the images of birds in the mythological representations of the Karelians, related with Karelian folk medicine, are studied for the first time. As a result of the study we can notice that in the avifauna of the Karelians the "negative" group of birds is distinguished. This group of birds with their noise, defecations and peculiarities of their behavior

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

are able «to predict» or «to send» diseases on humans.

The similarity of diseases' symptoms with the appearance of birds is important in the nomination. It says about a constant close contact of humans with the world of fauna. We can see both similarities and differences in the species composition of birds – carriers of diseases between two large groups of the Karelians living in Karelia and outside.

Key words: folk medicine, traditions of the Karelians, names of diseases, healing magic, beliefs of the Karelians, fauna, spells, Baltic-Finnish languages.

Карельская мифологическая фауна мало изучена. Она таит много загадочных явлений, связанных с древним религиозным миропониманием народа. К числу таких явлений относятся мифологические представления и обряды, связанные с птицами. Данная статья посвящена изучению роли птиц в предсказании и распространении болезней в карельской мифологической традиции. Вопрос о роли птиц в карельской народной медицине специальному анализу еще не подвергался.

Среди карел широко распространены приметы, предвещающие болезни или смерти. Одними из предсказателей и носителей недугов могли быть птицы. В представлениях поморских карел всё пернатое царство делится на две категории: добрых и злых. Как первая, так и вторая категория особыми поведением или криками предвещают «хорошее» или «плохое» [10, 162]. У некоторых групп карел существовали поверья о появлениях болезней, связанных с вороной и кукушкой. Тверские и сямозерские карелы одной из «виновниц» головной боли считали ворону, которая использовала волосы, выпавшие с головы человека, для витья гнезда. Клевание птицей волос вызывало у человека, потерявшего их, головную боль [4, 254; 14, 217–218].

Кукование и испражнение кукушки предвещали скорую болезнь. Если весной кукушка прокукует первый раз тому человеку, который выйдет на улицу не поевши, то он будет болеть. Испражнение во время кукования также считалось причиной болезни человека [7, 621; 8, 140], [14, 217–218]. У олонецких и паданских карелов первое кукование кукушки, услышанное натошак, указывало на конкретную болезнь – вши [5, 289; 3, 91]. Возможно, эти поверья можно связать с тем, что в представлениях финно-угорских народов перелетные птицы – это птицы, которые на зиму уле-

тают в царство мертвых, а весной возвращаются в мир людей с представителями загробного мира – вшами. Вши пагубно влияют на здоровье, как птиц, так и людей, так как они несут энергетику загробного мира [11, 128]. По обнаруженному у белозерских вепсов этиологическому поверью, вши происходят от птиц, раскидывающих их на людей во время весеннего прилета и осеннего отлета в теплые страны: «Konz lindud tuleškatas, ka pähä voidas teid ištusoi, i konzgi lähtas, voidas ištta pähä teid» ('Когда птицы начнут прилетать, то на голову могут вши сесть, и когда улетают (птицы), могут сесть на голову вши') [2, 438].

В верованиях тверских карел существовал запрет на первое купание весной до первого кукования кукушки. Нарушение этого правила влекло скорую болезнь [14, 217–218].

Людиловские карелы «предвестником» смерти считали вечернее кукареканье петуха. Также карелы-людики сравнивали шаги человека с шагами петуха, определяя по их соответствию долготу жизни: если очень старый человек ходил уже с палочкой, то смотрели на ширину его шагов и примечали: «Aha, t'äll on d'o asteged lühettu kui kukuoil, t'ämä ei hät'ked nügüde elä» ('Ага, у этого уже шаги короткие, как у петуха, недолго жить ему осталось') (д. Галлезеро) [13, 202–203].

Сама лексема петух (ск., ливв. kukko, kukoi) отражена в карельских вариантах названия болезни 'куриная слепота': (ск.) kukon|silmät, (ливв.) kukoin|silmät (ср. вепс. kukoin|sil'mad) (букв.: петушиные глаза). В тверском говоре собственно-карельского наречия карельского языка зафиксировано наименование kukon|un'i (букв.: петушинный сон). Человек во время этой болезни плохо видит в темноте, равно как и курица / петух, скорее всего, поэтому карелы и стали использовать для обозначения этой бо-

лезни вышеуказанные лексемы. В карельском и вепсском языках дословный перевод данного заболевания звучит как ‘петушиные глаза’, русский же эквивалент – ‘куриная слепота’ (ср. эст. *kanalpimedus* букв. ‘куриная темнота’). С одной стороны, в большинстве традиций петух связан с божествами утренней зари и солнца, небесного огня, петух так же бдителен и всевидящ, как и солнце (ср. в вепсской среде крестьяне определяли ночное время по крику петухов: первые петухи – полночь, вторые петухи – два часа ночи и т. д.) [1, 350]. С другой стороны, оказывается функционально значимым противопоставление петухов по цвету: если светлый, красный петух связывается с солнцем, огнем, то черный петух – с подземным царством (т. е. темнотой) [6, 310]. Нельзя оставить без внимания и тот важный факт, что курица и петух принадлежат к одному куриному роду и в некоторых фольклорных жанрах используются в качестве аналогов (например, вепс. «*Kukoi – pule, a rahkoi – radole*» ‘Петух – на насест, а рахой (дух домашнего очага) – на работу’; «*Kana – pule, ležnii – radole*» ‘Курица – на насест, ленивый – на работу’) [1, 355]. Вполне возможно, что одно из этих представлений легло в основу карельского наименования *kukonsilmät / kukoinsilmät*.

Карелы верили, что птицы могут быть виновниками в появлении веснушек. Такие представления нашли отражение в наименованиях этого кожного проявления. На территории Карелии, где распространено собственно-карельское наречие, веснушки называют *kurvičat, kurbičat*, а в ливвиковском и людиковском – *kurmičša, kurmičšu*. Все эти лексемы образованы от существительного *kurmoi* ‘кулик’ с присоединением суффикса -čšu/-čša, который несет в себе значение схожести по качественному признаку (например, по схожести цвета). Необходимо отметить, что данное явление отражено и в других прибалтийско-финских языках, однако в этих языках выявляются другие птицы в качестве носителей веснушек: в ижорском языке в этой роли выступает ласточка, здесь используют лексемы *pääskysenkirjat* (‘узор ласточки’), *pääskysen kirjavat* (‘пестрость ласточки’), первая часть сложных слов переводится ‘ласточка’ (*pääskynen*); в эстонском языке – тетерев

tedreltähed (‘узор тетерева’), *tedreltähnid* (‘узор тетерева’), и ласточка: *päästlaseltähed* (‘узор ласточки’), *päästlaselkirjad* (‘узор ласточки’). В финском языке названия *teerenpilkku* (‘пятно тетерева’), *teerenpisamat* (‘веснушки тетерева’), *teerenpiiset* (‘пятнышки тетерева’), *teerenkirjat* (‘узор тетерева’) образованы от слова *teeri* (‘тетерев’), в некоторых районах Финляндии вместо первой части слова *teeren-*, используют *koppelon-* (*koppelo* ‘глухарка’). На территории Финляндии используют и грубые названия веснушек: *teerenpaska, teerenpaskat* (букв. ‘дерьмо тетерева’). Это связано с верой людей в то, что, если весной человек окажется под тем деревом, на котором воркует тетерев, а он испражнится на него сверху, то у человека появятся веснушки (*teerenpaskat*).

На наличие в вышеуказанных лексемах названий птиц существуют различные мнения. Одним из них является сходство по цвету веснушек с оперением таких птиц как тетерев, глухарка и кулик. Другие же считают (и этой точки зрения придерживаются большинство), что птицы по какой-либо причине «насылают» веснушки на людей. Например, раньше карелы верили, что, если беременная женщина съест яйцо тетерева, то ее ребенок обязательно родится с веснушками. В Карелии было и такое поверье: если человек разрушит гнездо ласточки, то она испражнится на этого человека веснушками [12, 467–468]. Славянские народы также рассматривали появление веснушек как расплату ласточки за разорение ее гнезда. У южных вепсов было распространено представление о ласточке как носительнице веснушек (яйца ласточки с характерными пепельными или красноватыми точками напоминают веснушки) [1, 64]. В южновепсских деревнях использовался магический способ избавления от веснушек: увидев весной первую ласточку, страдающий этим недостатком набирал в рот молока, подкрадывался к птице и, глядя на нее, умывался молоком, чтобы лицо было белым, без веснушек. Скорее всего, этот лечебный обряд был русского происхождения [2, 381]. Среди карел подобных способов лечения не удалось обнаружить, а при сборе полевого материала автором, информанты указывали на то, что веснушки никак не лечили.

Другим «весенним» заболеванием, в карельских наименованиях которого просле-

живаются названия птиц, являются ‘цыпки на ногах’ (ск., ливв. *variksen|šoappoat / varoin|suappuat* букв. ‘вороньи сапоги’; ливв. *varoin|kotat* букв. ‘вороньи кóты (опорки)’, *varoin|kärčät*, *varoin|luapat*, *varoin|sorkat* букв. ‘вороньи лапы’, *varoin|varbahat* букв. ‘вороньи пальцы’). Как утверждали северные карелы, весной у каждого человека появлялись цыпки на ногах. Житель д. Бабя Губа рассказывал: «*Pienenä poikana kun keväsillä juoksentelima pälvilöissä pal’l’ahin jalojin niin ämmö varotti meitä jotta «työ soatta variksen soappoat!»... Myö kyselemmä ämmöltä jotta mimmoiset ne ollah ne variksen soappoat ta miten niitä sais. Ämmö sanou jotta ne ollah hyvin kaunehet, kiltetäh ta kriičketät jotta kaikki sroas’ti...*» (‘Будучи маленьким мальчиком, когда весной мы бегали по проталинам босыми ногами, то бабушка предупреждала нас, что ‘вы получите цыпки (букв. ‘вороньи сапоги’)!’... Мы спрашиваем у бабушки, что, какие они цыпки, и как бы их получить. Бабушка говорит, что они очень красивые, блестят и скрипят (прим. в данном случае под скрипом подразумевался звук от тресканья кожи) так, что все боятся...’). Когда вороны пролетали мимо стаями, то дети им кричали, бегая по лужам:

Prau prau vel’l’em roika, Кар-кар сын брата,

anna miula soappoat, дай мне сапоги,

t’inanenät, t’inaperät, с оловянными носами и задниками,

kaplukkakantaset, с каблуками,

kaprehennahkaset! из козьей кожи!

[15, 147] (перевод автора).

После беганья по холодной, сырой земле у детей лопалась кожа на ногах и становилась похожа, как считали карелы, на воронью на лапах, поэтому в карельском языке относительно данного кожного заболевания появились наименования, содержащие первым компонентом лексему *varoin* ‘воронья’. Вепсы считали, что именно ворона является носителем кожного заболевания *varišan jougad* (букв. ‘вороньи ноги’), так как ворона – поганое существо, тесно связанное с подземным миром [1, 77].

В отличии от карел Карелии, тихвинские, тверские и новгородские карелы использовали название *kutren|šuarat* (букв. ‘журавлиные сапоги’), потому что цыпки

появлялись весной, именно в то время, когда прилетали журавли (кроме этого, журавли проводят большую часть времени в воде или возле нее), и карелы верили, что журавли приносят это заболевание [12, 464]. У новгородских карел (д. Марково) дети, пока не прокурлыкали журавли, не купались в ручье, чтобы не появились цыпки на ногах («*što kurgi ei tois’ šoappaida*» ‘чтобы журавль не принёс сапог’) [9, 199].

При лечении цыпок тверские карелы произносили заговоры, в которых обращались к журавлю, вороне, сороке с просьбой забрать цыпки:

Kurret, karret, muššat bronit Журавли, журавли, чёрные вороны

kirjavat harakat, voinan svojakat пёстрые сороки, свояки войны

ottakkua omaš čipkat, *andakua* возьмите свои цыпки, дайте

omat t’ervehet jallat свои здоровые ноги [12, 465] (перевод автора).

Детские цыпки лечили в бане: хорошенько распаривали ножки ребенка, произнося: «*Kurjet, kärjet, mustat korpit, harmuat harakat, sikojen svajakat ottakkua omaš čipkat*» (‘Журавли, чёрные вороны, серые сороки, свояки свиней возьмите свои цыпки’). После этого обветренные места смазывали сливками [14, 204].

Эти заговоры, в очередной раз, подтверждают веру людей в то, что именно перелетные птицы и вороны (они всегда находятся возле людей) являются источником этого заболевания.

Подводя итог, можно отметить, что отрицательное мнение и отношение карел к таким птицам, как ворона, кукушка и петух отражено в поверьях, связанных с приближающейся болезнью или смертью. В самих наименованиях болезней превалирует мотивация внешнего сходства симптомов заболевания, например, с оперением или грубостью кожного покрова птиц. У некоторых групп карел (тверские, тихвинские) все-таки встречаются верования, согласно которым птица может «наказать» человека болезнью или «принести» заболевание. Данные поверья схожи среди тесно контактирующих прибалтийско-финских (карелы, вепсы, финны) и славянских (русские) народов, проживающих длительное время на одной территории.

Сокращения

букв. – буквально

вепс. – вепсский язык

д. – деревня

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка

ск. – собственно-карельское наречие карельского языка

ср. – сравните

Литература

1. Винокурова, И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции) [Текст] / И. Ю. Винокурова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. – 448 с.
2. Винокурова, И. Ю. Мифология вепсов : энциклопедия [Текст] / И. Ю. Винокурова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. – 524 с.
3. Покровский, П. С. Корел, его быт и занятия (Олонецкий уезд). Предрассудки и поверия корела [Текст] / П. С. Покровский // Олонецкие губернские ведомости. – 1873. – № 8. – С. 90–92.
4. Логинов, К. К. Родильная обрядность и способы лечения младенческих недугов [Текст] // История и культура Сямозерья / Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2008. – С. 247–254.
5. Майнов, В. Поездка в Обонежье и Корелу [Текст] / В. Майнов. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1877. – 318 с.
6. Мифы народов мира: в 2-х т. [Текст] / Гл. ред. С. А. Токарев. – Т. 2. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – 719 с.
7. Михайловская, М. В. Карельские заговоры, приметы и заплочки [Текст] / М. В. Михайловская // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. – Т. V, вып. 2. – Л. : АН СССР, 1925. – С. 611–630.
8. Огнева, О. Праздники и будни: карельский народный календарь (Pyhät da arret: karjalaine rahvahankalendari) [Текст] / О. Огнева, А. Конкка. – Петрозаводск : Verso, 2013. – 336 с.
9. Слушаю карельский говор [Текст] / Сост. А. В. Пунжина. – Петрозаводск : Периодика, 2001. – 208 с.
10. Цейтлин, Г. Знахарства и поверья в Поморье (Очерк из быта поморов) [Текст] / Г. Цейтлин // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – № 1. – 1912. – С. 8–16.
11. Hautala J. «Käki tuo suven sanoman» (Muuttolintujen ym. pilauksesta) // Kalevalaseuran vuosikirja. Porvoo-Helsinki, 1955. 32. – S. 123–147.
12. Heikinmäki M-L. Varissaappaat ja teerenpilkut (Muuttolintujen pilauksesta) // Virittäjä 5/1976. – S. 459–479
13. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, III. Helsinki : SUST 131, 1964. – 402 s.
14. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo-Helsinki : WSO, 1961. – 271 s.
15. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo-Helsinki : WSO, 1958. – 804 s.

References

1. Vinokurova I. Yu. *Zhivotnye v tradicionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstrukcii)* [Animals in the traditional world of Veps (experience of reconstruction)]. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006. 448 p.
2. Vinokurova I. Yu. *Mifologia vepsov: ensiklopedia* [Mythology of Veps: Encyclopedia]. Petrozavodsk: Petrozavodskiy gosudarstvenniy universitet Publ., 2015. 524 p.
3. *Korel, ego bit i zanyatia (Olonetskii uезд). Predrassudki i poveria korela* [Corel, its way of life and employment (Olonets district). Prejudices and beliefs Korella]. *Olonetskie gubernskie vedomosti* [Olonets provincial bulletin], 1873, no.8, pp. 90–92.
4. Loginov K. K. *Rodilnaya obryadnost i sposobi lecheniya mladencheskih nedugov* [Birthing rituals and methods for treating infantile diseases]. *Istoriya i kul'tura Sjamozer'ja (Pod red. V.P Orfinskogo, I.E. Grishinoj)* History and culture of Syamozero (Edited by V. P. Orfinskiy, I. E. Grishina)], 2008, pp. 247–254.
5. Mainov V. *Poezdka v Obonezhie i Korelu* [A trip to Obonezhie and Korela]. Saint-Petersburg: 1877. 318 p.

6. *Mifi narodov mira* [Myths of the peoples of the world: in 2 volumes (Ch. ed. S. A. Tokarev)]. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1988. vol. 2. 719 p.
7. Mihailovskaya M. V. *Karelskie zagovori, primeti i zaplachki* [Karelian spells, signs and laments]. Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo [Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography], 1925. vol. 5. no. 2. pp. 611–630
8. Ogneva O., Konkka A. *Prazdniki i budni: karelskii narodnii calendar* (Pyhät da arret: karjalaine rahvahankalendari) [Holidays and weekdays: Karelian folk calendar (Pyhät da arret: karjalaine rahvahankalendari)]. Petrozavodsk: Verso Publ., 2013. 336 p.
9. *Slushaju karelskii govor* [Listen to the Karelian speech]. (Comp. A. V. Punzhina). Petrozavodsk: Periodika Publ., 2001. 208 p.
10. Tseitlin G. *Znharstva i poveria v Pomorie (Ocherk iz bita pomorov)* [Healings and beliefs in Pomorie (Essay about the daily life of Pomors). *Izvestija Arhangel'skogo obshhestva izuchenija Russkogo Severa* [Bulletin of the Arkhangelsk Society for the study of the Russian North], 1912, no.1, pp. 8–16.
11. Hautala J. «*Käki tuo suven sanoman*» (Muuttolintujen ym. pilauksesta). Kalevalaseuran vuosikirja, 1955, no. 32, pp. 123–147.
12. Heikinmäki M-L. *Varissaappaat ja teerenpilkut* (Muuttolintujen pilauksesta). Virittäjä, 1976, no. 5, pp. 459–479.
13. Virtaranta P. *Lyydiläisiä tekstejä*, III. Helsinki: SUST 131, 1964. 402 p.
14. Virtaranta P. *Tverin karjalaisten entistä elämää*. Porvoo-Helsinki: WSO, 1961. 271 p.
15. Virtaranta P. *Vienan kansa muistelee*. Porvoo-Helsinki: WSO, 1958. 804 p.